

Партийный билет за премию Феллини

В память о Григории Наумовиче ЧУХРАЕ мы публикуем его беседу на тему «Художник и власть» с кинообозревателем «Новых Известий» Виктором МАТИЗЕНОМ

— Григорий Наумович, вы, кажется, знали всех, кто руководил культурой и кинематографом при советской власти, кроме Шумяцкого и Дукельского, — Большакова, Охлопкова, Александрова, Михайлова, Фурцева, Романова, Ермаша...

— Вы преувеличиваете мой возраст. С Большаковым я не встречался. По рассказам, он был истый служака. Когда требовали зажимать, он зажимал, но никогда не делал этого по своей воле, и поэтому считался порядочным человеком. Охлопков был никудышный министр, но на вопрос, как он справляется с должностью, отвечал: «Э! Царей играл, а тут — министра!». Александрова за организацию подпольных публичных домов для высокого начальства прозвали «министр культуры и отдыха». Михайлова, после того как он сказал Шостаковичу: «Да, с культуркой у нас плоховато», стали звать «министр культурки» и говорили про него: «Не бойся министра культуры, а бойся культуры министра». При северном ветре он говорил: «Вот, некоторые товарищи поднимают на штит такие порочные картины, как «Летят журавли» и «Баллада о солдате». Но мы им дадим по рукам!». Назавтра ветер менялся, и тот же Михайлов как ни в чем не бывало заявлял: «Вот, некоторые товарищи стараются принизить такие замечательные картины, как «Летят журавли» и «Баллада о солдате». Но мы им дадим по рукам!».

— А почему «Балладу» сперва сочли «порочной»?

— Директор «Мосфильма» Сурин говорил: «Вы показываете женщину, которая изменяет мужу-фронтовику, и этим оскорбляете миллионы верных жен!». А директор картины в кабинете Михайлова сказал, что «Баллада» позорит Советскую армию. Еще было партийное собрание «Мосфильма», где меня топтали за клевету на советских людей.

— А как вели себя на этом собрании «классики» — Ромм, Донской, Пырьев?

— Там не было отдельных людей. Была толпа. И если некоторые мне сочувствовали, то проявить этого не могли: у переживших сталинщину сохранилась инерция страха.

— За претензиями к вашим фильмам просматривается некий идейно-караульный устав: произведение искусства рассматривали как набор «типичных» характеров и ситуаций, что и позволяло «привлекать за клевету»...

— Это продолжалось до самого конца. Уже в брежневские времена на свет появилось заключение комиссии ЦК КПСС, где утверждалось, что первоначальное название «Траисины» — «Нетипичная история» — «бросает вызов основным принципам социалистического реализма».

— А Фурцева, насколько я знаю, вам помогала?

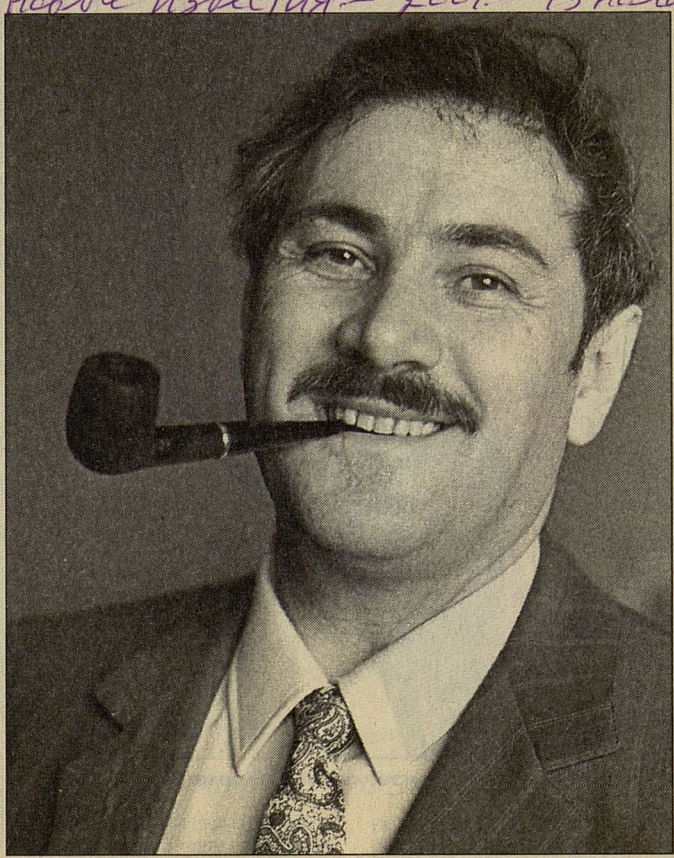
— С ней можно было разговаривать — она прислушивалась к собеседнику. Не успел я закончить «Чистое небо», как Сурин потребовал немедленно показать материал. Прихожу и вижу Фурцеву со всем синклитом. Говорю: «Фильм не закончен, показать не могу». — «Но я уже пришла!». — «Фильм политический, акцентисты еще не расставлены, вы можете не так понять, запретите, а я уже никому ничего не докажу!». — «Но вы же не можете отправить женщину восвояси!». — «Для меня вы сейчас не женщина, вы министр. А министрам подработки не показывают». Она побагровела...

— Знала небось поговорку: «Дуракам подработки не показывают»...

— Не знаю, что она подумала, но предложила пройти с ней в суринский кабинет, достала из сумочки бумагу и протянула мне со словами: «Как я должна поступить?». Это был донос бухгалтера моей съемочной группы, в котором он сообщал, что я снимаю антисоветское кино. И я показал ей фильм. Смотрели в абсолютной тишине. После просмотра — молчание. Наконец, Фурцева говорит: «Да...». Все на разные голоса: «Да...». Фурцева: «Крепко вы тут завернули». Все: «Крепко это он завернул...». Фурцева: «Но ведь все это — правда...». Синклит: «Конечно», Екатерина Алексеевна, это все правда!». Словом, приняла картину. Попросила только сделать водораздел между старым и новым временем, между сталинским и хрущевским то есть. «А там, как народ скажет». Я понял, о каком «народе» речь.

— И что сказал «народ»?

— И сказал «народ», что это хорошо. Фурцева вызвала нас с Суриным и говорит: «Спасибо, товарищи. ЦК посмотрел картину и одобрил ее». Сурин говорит: «Мы старались!». Никита Сергеевич спра-

Создатель фильмов «Летят журавли» и «Баллада о солдате».

шивает, не надо ли чего?». Я говорю: «Спасибо, ничего не нужно». Сурин вставляет: «Он скромничает. Ему квартира нужна, он в коммуналке живет». Так я получил квартиру — не сразу, правда, а через год...

— Фольклорное царство. Либеральный царь Никита, своенравная боярыня Екатерина, компания упырей и добрый молодец. Угодил царю с боярыней — квартиру, как шубу с барского плеча... Прибавим полтора десятка лет. Осоловелый царь Лёня, грозный боярин Филия, те же оборотни и постаревший добрый молодец...

— Все так и было. Если бы не Хрущев, ни один из моих фильмов бы не вышел. И пока был Хрущев, я мог снимать. Он ведь тоже не был закрыт для воздействий. В том числе для дурных, но хорошее все-таки перевешивало. И как Фурцева была светлым пятном на фоне темного министерского царства в прошлом и будущем, так и хрущевское время было светлым на фоне того, что было до и что стало после.

— Мы подошли к легендарной истории о том, как добрый молодец спас Союз кинематографистов СССР от закрытия. Почему, кстати, его решили закрыть?

— Это было после того, как Никита разнес «Заставу Ильича» Марлена Хуциева. Все делалось с подачи группы высокопоставленных негодяев — Кочетова, Грибачева, Серова, Софронова, которые взяли на себя защиту советскую власть от интеллигенции.

— «Автоматчики партии» — так, кажется, они себя называли?

— Точно. Они нащепывали наверху, будто кинематографисты сняли вредный фильм потому, что обособились в своем союзе и могут делать, что хотят. А надо всех художников согнать в единый союз творческих работников и ими командовать. И ЦК принял такое решение. Юткевич, Герасимов, Пырьев пошли к «серому кардиналу» Суслову просить, чтобы Союз сохранили. Тот их погнал. А потом было какое-то собрание творческой интеллигенции с участием Хрущева и членов Политбюро, где мне дали слово. Не знаю, чего они ждали, может, ритуальное «спасибо» партии родной за материнскую заботу, но я выступил в защиту СК. Объявили перерыв. После перерыва Хрущев спрашивает: «Где этот Чухрай?». Из зала какой-то подхалим, не разобрав интонации хозяина, кричит: «А он в буфете, бутерброды ест!». «Да вот он, возле меня!» — подает голос Твардовский. Хрущев говорит: «А я, товарищ Чухрай, только что был вашим агентом в Политбюро. Посовещались мы и решили, что Союз кинематографистов нужно сохранить». Ну кто еще был на такое способен, кроме Хрущева?

— Из ваших слов следует формула отличия «оттепели» от «заморожков»: открытость/закрытость верхов для воздействий снизу...

— Вы меня спросили о том, как вели себя классики. Я дружил с Марком Донским. Он был великий режиссер, но странный человек. Вдруг собрался выступить на партсобрании и поддержать разгром «Заставы Ильича» — не нравилась она ему. Я говорю: «Не смейте!». — «Почему я не могу сказать то, что ду-

маю?!». — «А если бы фашисты выискивали евреев для уничтожения, а я бы в это время закричал: «Вот Донской, он еврей!!!». — «Вы с ума сошли!». — «А почему я не могу сказать то, что думаю?!». Он на меня посмотрел — и не выступил.

— В 1963 году был восстановлен упраздненный после смерти Сталина госкомитет по кинематографии, руководить которым был поставлен Алексей Романов, а он, судя по его книге об Александре и Орловой, в кино был совсем не искусен...

— Он был истинный службист, то есть полностью доверял мнениям начальства и повторял их, как свои. Но вместе с тем никогда не сводил счеты с людьми, которые его критиковали.

— В первые месяцы романовского правления разыгралась драма с присуждением «Восьми с половиной» главного приза ММКФ, и в этой истории вы были главным действующим лицом...

— Я был председателем жюри, куда входили Жан Марэ, Стенли Крамер, Серджо Амиеди, Сатъяджит Рей и еще несколько человек. В конкурсе были выдвинуты два наших фильма, — «Порожний рейс» и «Знакомьтесь, Балуев!», оба никудышные. Но Романов, как уже сказано, в кино не смыслил. Его зам Баскаков — тот смыслил, но по каким-то своим соображениям выдвинул именно эти творения. Когда конкурс закончился, меня вызвали в ЦК и спросили, что я намерен делать. «Дать приз Феллини». — «А как же наши фильмы?!». — «Дрянь наши фильмы». — «Дать премию иностранцу — положишь партбилет на стол!». — «Положу, но имейте в виду — члены жюри не члены КПСС, а я им не партсекретарь». — «А ты знаешь, что Никита Сергеевич заснул на твоём Феллини?!». После этого разговора Романов собрал членов жюри из стран и пригрозил им, что если они проголосуют за Феллини, будут иметь дома крупные неприятности. Когда началось обсуждение в жюри, Жан Марэ первым предложил дать Гран-при «Восьми с половиной». Болгарин говорит: «Конечно, этот фильм лучший, но мы не можем дать ему приз». Тут взвился Амиеди: «Почему не можете? Кто вам запретил?!». Шакен Айманов в своем акинном стиле сказал так: «Этот фильм — как самолет. А другие — как арба. А арба народу ближе, чем самолет». Крамер не выдержал: «Я каждый день бреюсь, чтоб было не противно на себя смотреть. Если я тут еще посижу, мне будет противно заглядывать в зеркало. Присуждайте кому хотите, но без меня». И ушел. За ним Амиеди, потом Марэ и Рей. Словом, ушли все знаменитости. Я призвал оставшихся к спокойствию и предложил компромисс: первый приз дать Феллини, но не за «Восьмью с половиной», а за все, что он снял. На том и порешили. В Госкино на меня смотрели, как на предателя Родины, я в душе послал всех к черту и уехал из Москвы. Через две недели приехал, а Романов мне говорит: «Ну ты и фрукт! Нагадил и удрал. Мне за тебя врезали, а тебя хотели из партии выгнать». — «Что ж не выгнали?». — «Никита Сергеевич

вступился. Чухрай, сказал, парень хороший, только необстрелянный...».

— А правда, что Романов в 1972 году сняли за мягкотелость?

— Вряд ли это так формулировалось. Но, безусловно, его заменили на Ермаша, чтобы укрепить руководство кинематографом. Ермаш был человеком Кирилленко. Он был не глуп и прекрасно понимал, что на должность министра его поставило начальство, и оно же его снимет, если он будет служить не ему, а зрителям или искусству.

— Он и закрыл вашу знаменитую хозрасчетную Экспериментальную студию?

— Это шло сверху. Ее свернули вместе со всей «косыгинской» реформой. Не могли же они оставить островок капитализма в социалистической стране. Хотя мы всего лишь реализовали принцип «каждому по труду». Просто труд мы измеряли успехом у зрителя, а не у начальства. Главное мое столкновение с Ермашом было во времена Черненко. Шли беспрерывные атаки на кинематограф, и Ермашу приходилось оправдываться по совершенно нелепым поводам. Как-то, когда я сидел у него, ему позвонили по «вертушке» и открытым матом стали орать: «Ты что, твою мать, показываешь?». Оказывается, во время просмотра по телевизору фильма «Дела сердечные» о работе московской реанимационной службы первому секретарю МГК Гришину стало плохо с сердцем...

— В стране живых трупов не говорят о реанимации... И что же Ермаш?

— Извинялся. А дальше, как я думаю, его вызвали на ковер и стали чихивать за то, что выпускает идейно невыдержанные фильмы. Он испугался и стал оправдываться, что всему виной авторское право, которое не дает Госкино возможностей как следует воздействовать на режиссеров. Ему сказали: «Ну так заберите у них это право!». И он стал забирать, но втихую, чтобы не поднялся шум. Я об этом узнал случайно, когда мне позвонили из Минюста и спросили, как я отношусь к законопроект, лишаящему режиссеров авторских прав. Я попросил их повременить с его одобрением и кинулся звонить секретарям Союза кинематографистов. Герасимов сказал: «Ах они, мерзавцы, ах, сукины дети! Приезжай ко мне, мы обо всем договоримся!» — и немедленно исчез. Поехал к Бондарчуку. Он тоже возмутился, но сказал: «Ермаш очень мстительный человек, он нам отплатит, если мы встанем ему поперек дороги». — «А ты подумал, что о нас скажут, если мы НЕ встанем ему поперек дороги?!». Назавтра заседание коллегии Госкино. Слово берет Наумов и говорит примерно так: в кино дела довольно плохи, но все бы вообще погубило, если бы не такой прекрасный руководитель, как Ермаш, которого надо поддерживать, а не ставить ему палки в колеса. Только он закончил, секретарь выкладывает законопроект. Не успели мы пролистать, как Ермаш говорит: «Кто «за», поднимите руки!».

Я спрашиваю: «Товарищи, кто из вас понял смысл проекта?». Молчание. «Так я вам объясню. Закон об авторском праве режиссера на фильм существует много десятилетий, его еще Ленин принял. По этому закону мы имеем право не соглашаться на ваши поправки. Мы соглашаемся, потому что поставлены в безвыходное положение, но закона мы вам не отдадим. Маркс говорил, что отношение человека к государству определяется правами, которые он имеет в этом государстве. А вы хотите лишить нас даже тени прав». И закончил вполне патетически: «Правда быть самостоятельным бойцом нашей идеологии я вам не уступлю!». Встает Бондарчук. Он не такой многословный, как я, и сказал просто: «До сих пор я думал, что «Броненосца «Потемкина» снял Эйзенштейн. А теперь оказывается, что это не он, это вы сняли! Я слышал, что «Балладу о солдате» снял Чухрай. Оказывается, и он тут ни при чем. И я, выходит, ни при чем в своих фильмах?! Ну это вы даете!». Ермаш понял, что без шума не обойтись, и дал попятный ход — отправил проект на доработку. Через пару дней снова нас собрал и снова выпустил вперед Наумова, который вдруг заявил, что режиссеры и сами с усами, и не нужно им никакого партийного руководства. Я решил, что он нас провоцирует, и сказал: «Ты считаешь, что партийное руководство не нужно, а мы с Бондарчуком этого не утверждали. Мы говорили, что нас вполне устраивает ленинский закон, и другого нам не надо». Так был окончательно утоплен ермашовский проект.